

Кризис «американоцентричной» глобализации: причины, тенденции, сценарии развития

А.А. Казанцев, В.М. Сергеев

НИУ Высшая школа экономики
Российский совет по международным делам

В научной литературе сложилась традиция отдельно изучать глобализационные процессы, и отдельно – вопросы мировой политики, связанные с гегемонией. Авторы предлагают синтез этих направлений исследований на основе модели транзакционной и инновационной экономики, пространственно распределённой в виде системы «глобальных ворот». С этой точки зрения, глобализация представляет собой процесс усиления сетевых контактов, связывающих разные части земного шара. Плотность этих сетей неравномерно распределена по территории планеты. На этапе расширения процессов глобализации происходит усиление этих сетевых связей и насыщение их ресурсами. На этапе спада глобализации, один из которых мы переживаем в настоящий момент, происходит ослабление этих связей.

Пространственная неоднородность глобализации связана с социальным (а также территориальным и межстрановым) неравенством в распределении ресурсов. В связи с этим глобальная экономическая система, создаваемая «воротами», нуждается в поддержании стабильности глобальных политических институтов. В XIX-XX вв. сложилась система поддержания этой стабильности, названная в литературе по теории международных отношений «гегемонией». На этапе подъёма глобализации создаётся система эффективного взаимодействия между мировой экономической и мировой политической системой. На этапе спада образуется разрыв между потребностями «ворот» в обеспечении политической стабильности и возможностями гегемона эту стабильность поддержать.

В настоящее время возможности США как мирового гегемона резко сократились, как и желание американских избирателей нести издержки гегемонии. Ни в отдельности, ни даже вместе со своими союзниками Вашингтон не в состоянии обеспечить стабильное функционирование «правил игры», необходимых для продолжения расширения глобализации. Эту ситуацию можно описать как «кризис американоцентричной глобализации».

Этап кризиса глобализации связан с упадком международных режимов, ростом неопределённости и конфликтов на всех уровнях мировой политики. Этот процесс может оказаться достаточно длительным. В конце его может либо произойти становление другой политической «оболочки» экономической глобализации (например, переход к модели гегемонии группы великих держав, что наиболее близко к распространённому в России представлению о многополярном мире), либо произойти возникновение нового гегемона (например, в виде КНР).

УДК: 327

Поступила в редакцию: 01.11.2019 г.

Принята к публикации: 15.02.2020 г.

Ключевые слова: глобализация, мегаполисы, «глобальные ворота», гегемония, международные конфликты

Целью данного исследования, является выявление ключевых трендов мировой политики, связанных с кризисом модели глобализации, расцвет которой пришёлся на 1990-е – начало 2000-х гг. (мы условно называем её «американоцентричной» или «западоцентричной» глобализацией). Практическая значимость такого исследования высока в связи с тем, что в настоящий момент вся система мировой политики (до определённой степени и связанная с ней система мировой экономики) столкнулась с резким ростом конфликтов и неопределённости. Соответственно, все ведущие державы мира (включая Россию) столкнулись с проблемами в плане выработки практической внешней политики. Адаптация к резко меняющимся условиям глобальной среды, когда старые рецепты понимания глобализующегося мира, перестают «работать», требует, в том числе, пересмотра многих устоявшихся стереотипов понимания взаимосвязей между мировой политикой и мировой экономикой.

Указанная цель предполагает широкий междисциплинарный синтез литературы, относящейся к следующим пяти сферам:

- экономические теории глобализации (в частности, теория «глобальных ворот» в её связи с моделью транзакционной экономики); также проблемы взаимодействия глобализационных процессов в экономике и в мировой политике;
- модели гегемонии как способа поддержания глобальной политико-экономической стабильности в теории международных отношений; вопросы упадка гегемонии США;
- «мир-системные» теории, показывающие связь между мировой экономикой и мировой политикой, в частности, сквозь призму вопроса об упадке американской гегемонии;
- проблемы политического кризиса на Западе, связанные с ослаблением позиций глобалистской элиты;
- литература по теории глобальных коммуникаций, по наблюдающимся в современном мире ценностно-идеологическим конфликтам и конструктивистские теории международных отношений, в ходе работы над которыми были разработаны методы исследования подобных конфликтов.

Раздробленность этой литературы и отсутствие общей модели привели к тому, что разные аспекты единых глобализационных процессов рассматривались в науке отдельно.

В рамках данной статьи будет проведён синтез описанных выше комплексов литературы с целью формулирования *модели пространственной неоднородности процессов глобализации.*

Постиндустриальная экономика и пространственная неоднородность глобализации

До половины и более ВВП наиболее развитых стран производится в настоящее время в сфере услуг, причём это производство имеет тенденцию к очень высокой степени концентрации в небольших по территории, но объединяющих огромные массы людей и невероятные богатства мегаполисах. Например, в Великобритании сфера услуг составляет порядка 4/5 ВВП¹ (на январь 2020 г. сфера услуг – порядка 375 000 млн фунтов стерлингов, при общем объёме ВВП менее 525 000 млн фунтов стерлингов)². Почему это происходит? Общее понятие «сфера услуг» в рамках традиционного понимания «сервисной» экономики несколько скрывает суть дела, т.к. оно включает в себя «копеечные» услуги уборщиков, официантов и парикмахеров наряду с «миллиардными» услугами юристов крупных компаний, менеджеров транснациональных корпораций, гигантских банков и т.п. Концентрация богатств происходит именно за счёт последней группы «служащих». Парикмахеры и официанты в элитных заведениях крупных городов, конечно, зарабатывают существенно больше, чем в каких-то забегаловках в провинции. Однако объяснить концентрацию богатств в крупных городах этим фактором невозможно.

Для того, чтобы объяснить, в том числе, и этот феномен лауреат Нобелевский премии по экономике Д. Норт (Норт 1997) и другие классики «новой институциональной экономики», создали модель транзакционной экономики. При очень упрощённой формулировке суть её заключается в том, что в настоящее время существенная доля мировых услуг приходится на *услуги, связанные с реализацией прав собственности*. Именно этим и занимаются юристы крупных компаний, менеджеры ТНК и банкиры. Управление правами собственности и сложная система перераспределения пользования этими правами и является одной из причин создания феномена невероятного богатства крупных мегаполисов. Проблемы реализации прав собственности (через социальные институты) изучает новая институциональная экономика (Аузан 2013). Суть её постулатов заключается в том, что осуществление рыночных операций связано с так называемыми транзакционными издержками. Транзакционные издержки – это издержки, возникающие при взаимодействии людей друг с другом. В свою очередь, издержки при взаимодействии людей с природой называются трансформационными.

Традиционная аграрная и даже индустриальная экономики (при всей важности транзакционного элемента, связанного с организацией труда) всё-таки

¹ Statista. Business Data Platform. [Электронный ресурс] URL: <https://www.statista.com/statistics/270372/distribution-of-gdp-across-economic-sectors-in-the-united-kingdom> (дата обращения 30.03.2020).

² Trading Economics. [Электронный ресурс] URL: <https://tradingeconomics.com/united-kingdom/gdp-constant-prices>; <https://tradingeconomics.com/united-kingdom/gdp-from-services> <https://www.statista.com/statistics/270372/distribution-of-gdp-across-economic-sectors-in-the-united-kingdom> (дата обращения 30.03.2020)

ключевые издержки несли при взаимодействии с природой. А вот в рамках постиндустриальной экономики ключевыми издержками при производстве любого товара стали издержки транзакционные. Соответственно, *постиндустриальная экономика – это, прежде всего, транзакционная экономика*. А эта экономика концентрируется именно в крупных глобальных мегаполисах (Ворота в глобальную экономику 2001). Отсюда и феномен территориальной концентрации в них богатств, а также – *феномен концентрации этих богатств в руках очень небольших социальных слоёв, которые реально эту транзакционную экономику контролируют. Приведём примеры, связанные с Великобританией. Лондон достиг пикового размера населения в 8 787 892 чел. в 2015 г.*³, что приближается к времени перед Второй мировой войной, при общем населении страны в 66.5 млн, при этом его доля в экономике Великобритании составляет порядка 22% последние годы⁴. Т.е. при примерном соотношении населения Лондона к населению страны в 1 к 7.5, ВВП Лондона к ВВП страны относится как примерно 1 к 4.5. Приведём примеры ещё более неравномерного распределения богатств в социальном плане. «Оксфам» – международное объединение из 17 организаций, работающих в более чем 90 странах по всему миру, в 2016 г. рассчитал, что 1% населения мира контролируют 50% мировых богатств, более того, половина мировых богатств сконцентрирована конкретно в руках 62 богатейших людей⁵. Хотя методика подсчёта и вызывает дискуссии, но сам факт беспрецедентной в мировой истории концентрации богатств, в целом, никто из критиков данных расчётов не отрицает⁶. Другие примеры неравенства можно найти, например, в известной работе Стиглица (Стиглиц 2015).

Уточнение отдельных параметров социального и территориального неравенства – это отдельная эмпирическая задача. В теоретическом плане же вполне можно сделать вывод, что современной системе постиндустриальной глобальной экономики органически присущи не только территориальная неравномерность распределения богатств, но и её социальная неравномерность.

Эта картина полностью противоречит ставшей широко распространённой в 1990-е – начале 2000-х гг. модели глобализации, согласно которой она происходит если и не равномерно для всего мира, то, по крайней мере, ведёт к сглажи-

³ Chorley M. London is bigger than EVER. 2 February 2015. *Daily Mail*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2936015/London-bigger-Record-8-615million-people-live-capital-taking-pre-WWII-peak.html> (дата обращения 30.03.2020).

⁴ *London's Competitive Place in the UK and Global Economies*. [Электронный ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20150707005422/http://www.cityoflondon.gov.uk/business/economic-research-and-information/research-publications/Documents/research-2011/Londons-competitive-place-supporting-manual.xls> (дата обращения 30.03.2020); Office for national statistics, *Annual GDP for England, Wales and the English regions* [Электронный ресурс] URL: <https://www.ons.gov.uk/datasets/regional-gdp-by-year/editions/time-series/versions/4> (дата обращения 30.03.2020).

⁵ *An Economy for the 1%, Oxfam Network* [Электронный ресурс] URL: <https://policy-practice.oxfam.org.uk/publications/an-economy-for-the-1-how-privilege-and-power-in-the-economy-drive-extreme-inequ-592643> (дата обращения 30.03.2020).

⁶ Oxfam Says Wealth of Richest 1% Equal to Other 99%. *BBC*. 18 January 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bbc.com/news/business-35339475> (дата обращения 30.03.2020).

ванию неоднородности социального и экономического пространства земного шара, глобальному торжеству «среднего класса». Данную модель можно возвести к идее «глобальной деревни», созданной впервые теоретиком новых систем коммуникации М. Маклюэном (McLuhan 1962; 1964) и идее, «конца истории», сформулированной философом Ф. Фукуямой (Fukuyama 1992). Она стала популярной в эпоху, наступившую после крушения коммунистической идеологии потому, что соответствовала классическим либеральным идеям, пропагандировавшим свободу торговли (и, соответственно, утверждавшим о более-менее равных выигрышах всех участников торговли), как они были ещё сформулированы А. Смитом (Смит 1993).

Анализ транзакционной экономики, напротив, показывает, что по мере усиления глобализации территориальная и социальная неравномерность концентрации богатств будет только расти. Естественно, эта закономерность будет соблюдаться только при сохранении «капиталистического строя», то есть, строя, основанного на правах собственности (и соответственно, институтов, регулирующих права собственности).

Формулировка Нобелевской премии Норту недаром звучала, как: «за возрождение исследований в области экономической истории, благодаря приложению к ним экономической теории и количественных методов, позволяющих объяснять экономические и институциональные изменения»⁷. Норт сумел выйти за пределы чисто экономического анализа и создать универсальную эмпирическую, имеющую чёткие количественные аспекты методiku, приложимую к взаимодействию политических и экономических процессов как в прошлом, так и в настоящем (Норт 2010, Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011). То есть, Д. Норт показал, что, во-первых, функционирование рынков всегда было тесно связано с логикой развития политических и социальных систем, а, во-вторых, что современная система глобальной экономики имела своих предшественников. К сожалению, эту методiku недостаточно оценили политологи, несмотря на широкую тенденцию к заимствованию методов и моделей экономической науки.

Другой лауреат Нобелевской премии по экономике – Дж. Стиглиц – в своих многочисленных научных и публицистических работах показал верность тезиса о реальном росте неравенства в нашем глобализирующемся мире не только в территориальном, но и в социальном разрезе (Стиглиц 2015). Формулировка Нобелевской премии Стиглицу: «за анализ рынков с асимметричной информацией»⁸. Именно эта асимметричность информации – другой аспект процесса глобализации, который связан с самой природой современного постиндустриального общества.

⁷ Douglass C. North *Biographical* [Электронный ресурс] URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1993/north/biographical> (дата обращения 30.03.2020).

⁸ Joseph E. Stiglitz *Facts*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2001/stiglitz/facts/> (дата обращения 30.03.2020).

Следует отметить, что определение «асимметричной информации» в работах Дж. Стиглица не связано с неравномерностью распределения критически важных научных или технических знаний. Тем не менее, указанная связь проводится в работе, посвящённой роли мегаполисов в мировой экономике (Ворота в глобальную экономику 2001). Современная постиндустриальная экономика – это не только экономика транзакционная, но, прежде всего, это – экономика знаний. В рамках традиционной модели глобализации как возникновения «глобальной деревни» (McLuhan 1962; 1964; McLuhan Fiore 1968) предполагалось, что знания (в том числе через новые системы коммуникации, типа интернета) будут распространяться по Земле более-менее равномерно. На самом деле обнаружилось, что тенденция к концентрации критически важных знаний сохранилась. То есть, для создания и публикации научных работ предпочтительнее по-прежнему жить (хотя бы непостоянно) в некоем числе крупных научных узлов, для успешной игры на бирже – в некоем числе коммерческих центров, для успешного приёма на работу предпочтительнее дипломы ключевых престижных университетов, и т.п. Более того, перевод научных инноваций в технические решения тоже осуществляется не равномерно по всему земному шару, а в специальных местах, типа «Силиконовой долины», и т.п. То есть *в рамках существующей в современном мире постиндустриальной «экономики знаний» по мере «подключения» к новым средствам коммуникации асимметрия информации не только не пропадает, но, видимо, в ряде аспектов даже усиливается* (Ворота в глобальную экономику 2001). *Это – ещё одна причина того, что глобализация происходит территориально неравномерно.*

Проиллюстрировать этот тезис можно очень просто. Теоретически практически вся ключевая информация сейчас рано или поздно попадает в глобальные информационные сети. Однако «информационный шум» в интернете растёт ещё быстрее. Если вы не знаете, как отфильтровать «шум» от реальной информации, то и понять из информационных сетей ничего не сможете. А узнать, как отфильтровать «шум», можно легче и быстрее всего на основе личного общения с носителями информации. Другой, ещё более очевидный пример. Для обмена информацией на деньги (например, чтобы сделать правильную ставку на бирже или рынке валюты) нужно получить информацию вовремя, а это, как правило, можно сделать только через закрытый личный канал. Так работают социальные сети информации. Точно так же очень тяжело выстроить социальную сеть доверия, скажем, для реализации бизнес-проекта, на основе чисто дистанционного общения в социальных сетях, тут очень желательно личное общение. Приём на ключевые коммерческие должности в США, как показали работы Грановеттера (Granovetter 1973), при всей формализации процесса, также часто связан с личным знакомством. Так работают сети доверия. Примеры можно множить до бесконечности.

Ни Д. Норт, ни Дж. Стиглиц не занимались специально анализом пространственного распределения связей и ресурсов по поверхности Земли. Это – преимущественно, сфера интересов экономистов, занимающихся транспортной

логистикой. На этой основе возникла модель современной транзакционной и инновационной экономики в виде теории мегаполисов-«глобальных ворот» (О. Андерссон, Д. Андерссон 2001), описавшая *пространственные закономерности концентрации глобализационных процессов*. В оптике описанной модели ключевые для мира транзакции и инновации совершаются в очень небольшом числе крупных мегаполисов: это районы городов Нью-Йорк, Вашингтон, Бостон, Сиэтл, юга штата Калифорния в США, треугольник Лондон – Оксфорд – Кембридж в Великобритании, Большой Амстердам (включающий Гаагу, Лейден и Роттердам, т.н. «Ранштадт») в Нидерландах; Франкфурт в Германии; район Токио – Осака в Японии; Гонконг, Шанхай и Гуанчжоу в Китае; Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро в Бразилии, Мумбай в Индии и многие другие. Именно между этими глобальными центрами устанавливаются экономические, финансовые и научные связи, образующие сложную сетевую структуру глобализационных процессов. *Соответственно, именно по этой глобальной сетевой структуре и циркулируют ключевые материальные и информационные ресурсы современного мира.*

В свою очередь, все остальные территории мира, расположены они в развитых или развивающихся странах, попадают в «хору» глобальных ворот, т.е. в иерархии современной транзакционной и инновационной экономики они оказываются существенно «ниже». Таким образом, условия включения «хоры» в глобализационные процессы существенно хуже, а степень глобализации существенно ниже (хотя и здесь возможны очень разные градации этого «хуже» и «ниже», в зависимости от конкретных обстоятельств).

К сожалению, все описанные выше достижения мировой экономической науки до сих пор не стали предметом пристального анализа политологов и специалистов по международным отношениям. Следствия этой теории для мировой политики в серии опубликованных в журнале «Полис» статей «ворота в глобальный мир» впервые рассмотрела группа российских авторов, включая В.М. Сергеева и А.А. Казанцева (Сергеев, Казанцев 2007; Сергеев и др. 2007а; Сергеев и др. 2007б; Сергеев и др. 2007с). В частности, была показана взаимосвязь пространственной концентрации экономики и концентрации сетей доверия в рамках глобализационных процессов (Сергеев и др. 2007б). Также была создана типология разных видов «ворот» по характеру их взаимодействия с сетями власти и политическими системами (Сергеев, Казанцев 2007). Наконец, был проведён анализ перспектив превращения в подлинные глобальные мегаполисы Москвы и Санкт-Петербурга в России (Сергеев и др. 2007а).

Мир как единая политико-экономическая система, феномен гегемонии и кризис глобализации

Проведённый анализ литературы по территориальным аспектам глобализационных процессов в мировой экономике показал, что последним органически присущ *феномен концентрации ключевых материальных и информационных*

ресурсов на небольших территориях. Мы предполагаем, что эта концентрация ресурсов имеет проекцию на мировую политику. С одной стороны, система мировой политики должна поддерживать стабильность «правил игры» (то есть, те самые институты собственности и управления ей), которые дают возможность функционировать «глобальным воротам». С другой стороны, при помощи данных ресурсов можно задавать направление процессам в мировой политике. В уже упомянутой статье о взаимодействии концентрирующихся в глобальных «воротах» сетей доверия с сетями власти и политическими системами (Сергеев, Казанцев 2007) мы показали, что функционирование «ворот» неизбежно связано с определённым исторически сложившимся способом взаимодействия между рыночной экономикой и государственными структурами. Эта связь наблюдается как внутри отдельных государств, так и в системе мировой политики в целом.

С этой точки зрения становится понятен феномен кризиса глобализации. Это ситуация, когда создаётся разрыв между системой управления глобальной экономики в виде сложной сетевой структуры «глобальных ворот» и системой мировой политики. То есть, система мировой политики оказывается не в состоянии поддерживать стабильность «правил игры», необходимую для бесперебойного роста мировой экономики, и, соответственно, поступательного развития процессов глобализации.

Данные тезисы создают основу для синтеза литературы по теории международных отношений, анализирующей феномен гегемонии в международных отношениях, и литературы по «мир-системным» теориям. Попытки такого синтеза уже делал ранее ряд авторов, в частности, наиболее известны в этой области работы Г. Модельски (Modelski 1996; Modelski 1987). Однако этот синтез Г. Модельски проводил без достаточной «привязки» к моделям новой институциональной экономики, что мы делаем в рамках данной статьи.

Вопрос о том, что для бесперебойного функционирования глобальной экономики необходимо государство-гегемон, которое бы обеспечивало стабильность «правил игры», первым в теории международных отношений поставил Ч. Киндлбергер (Kindleberger 1986). Он показал, что крупное государство-гегемон, поддерживая стабильность в мире, тем самым реализует не только свои интересы, но и интересы малых и средних государств. Естественно, Ч. Киндлбергер имел в виду США и их роль сверхдержавы в глобальной системе в XX в., то есть, он развивал тезис, что американская гегемония выгодна всем другим игрокам, так как она приводит к стабильности в мировой торговле и, в целом, в мировой экономике. С точки зрения неомарксизма, этот подход можно проинтерпретировать как классическую либеральную модель, при помощи которой в начале – первой половине XIX в. крупная буржуазия обосновывала своё право на лидерство: она борется за «правила игры», которые будут выгодны и другим социальным слоям (Маркс, Энгельс 1955; Gramsci 1982; Kołakowski 2005).

Эта модель легла в основу интерпретации гегемонии в неолиберальной теории международных отношений. Наиболее развитую модель в рамках этого

теоретического направления сформулировал Роберт Кохейн (Keohane 1984; Keohane 1982). Основываясь на классической теории *спроса и предложения*, он рассматривает ситуацию с формированием международных режимов как спрос мировой экономики на стабильность. Однако без гегемонии крупной державы невозможно обеспечить предложение этой стабильности (т.е. реально установить и поддержать ресурсами международные режимы). В качестве естественных исторических примеров у Р. Кохейна фигурировали гегемонии Великобритании в XIX в. и США в XX в. Хотя Р. Кохейн не разработал до конца этот вопрос, теоретически в этой перспективе становится возможен и кризис глобализации, то есть, ситуация, когда объективный спрос мировой экономики на наличие стабильности (в виде международных режимов) перестаёт удовлетворяться из-за того, что старый гегемон теряет возможность или желание это делать. С указанной точки зрения, Р. Кохейн задавался и вопросом о том, что будет после американской гегемонии.

Неореалисты, в частности, Р.Г. Гилпин (Gilpin 1996; 1988) и С.Д. Краснер (Webb, Krasner 1989), рассмотрели проблему гегемонии намного шире, учитывая не только экономику, но и военную силу. Согласно этому направлению в теории международных отношений, гегемония возникает не только исходя из потребностей глобальной экономики, но и исходя из стремления государств к военному доминированию. Если гегемона нет, враждующие государства оказываются неспособны обеспечить экономическую стабильность. Военная сила гегемона в этом плане оказывается необходима для поддержания стабильности мирового хозяйства. Естественно, что эти авторы имели в виду США и их лидирующую роль в западном мире, в частности, в блоке НАТО, а также в мире в целом. В указанной перспективе при ослаблении этой гегемонии мир либо впадает в «войну всех против всех», либо возникает ситуация «войны за гегемонию» между старым гегемоном и новым, перспективным кандидатом на эту роль. Эта точка зрения лучше всего аргументирована у Р. Гилпина (Gilpin 1988).

С указанной выше точки зрения, и в рамках неореалистской, и в рамках неолиберальной парадигмы *современный кризис глобализации неизбежно интерпретируется как кризис американской гегемонии*. С точки зрения неолиберализма, интересующегося, преимущественно, экономическими аспектами вопроса, в период кризиса гегемон оказывается неспособен поддерживать международные режимы, обеспечивающие стабильность «правил игры», необходимую для развития процессов глобализации. В оптике неореализма получается, что в период кризиса глобализации начинают меняться старые балансы сил, и поэтому прежний гегемон оказывается неспособен обеспечить стабильность. Нам представляется, что, по сути, это одна и та же перспектива, просто описанная с двух разных сторон (со стороны экономики в неолиберализме и со стороны военно-политических отношений в неореализме).

Сходную интерпретацию кризиса глобализации с точки зрения мир-системной теории, показывающую: 1) взаимную сводимость взглядов по это-

му вопросу неореалистов и неолибералов, и 2) обусловленность этой ситуации одним из циклов развития процесса глобализации, дал Г. Модельски (Modelski 1987; 1996). Похожие тезисы об этапах развития глобализации формулировали и другие авторы, близкие к мир-системному взгляду, в частности, Дж. Арриги (Arrighi 1994; Арриги 2009) и Ф. Бродель (Бродель 2007).

Модель И. Валлерстайна предполагает пространственную неоднородность и даже иерархичность устройства «мир-системы», в которой достаточно чётко выделяются привилегированное «ядро», промежуточная «полупериферия» и эксплуатируемая «периферия» (Wallerstein 2004).

Мир-системная теория также говорит о циклической эволюции и смене систем, что связано как с факторами смены гегемона (Modelski 1987; 1996; Arrighi 1994; Арриги 2009), так и с циклами научно-технологических инноваций, обеспечивающими экономический рост в период подъёма глобализационных процессов (Arrighi 1994). При этом в работах одного из самых выдающихся представителей мир-системной теории Дж. Арриги дается прогноз о возможной смене США на КНР в роли глобального гегемона в конце «долгого двадцатого века» (Арриги 2009).

Давно известно, что взгляды «мир-системных» теоретиков хорошо сопоставимы с теорией «миров-экономик» Ф. Броделя (Бродель 2007). Он говорит о соподчинённых торговых, кредитно-финансовых, информационно-финансовых и промышленно-финансовых сетях. Иерархия «узлов» этих сетей членится на много уровней, вплоть до мелкого городка с его округой. Высокие уровни членения мира-экономики характеризуется наличием иерархии городов: главный город и обслуживающие его экономику города, каждый из которых также контролирует определённый подчинённый район различной величины. Во главе мира-экономики стоит один город.

По теории Ф. Броделя, мир-экономика современного типа возникла в Европе и постепенно распространилась на весь мир. Хорошо изученные специалистами по международным отношениям феномены гегемонии Великобритании в XIX в. и США в XX в. Бродель связывает с доминирующим положением, соответственно, Лондона и Нью-Йорка в глобальной сети обменов и коммуникаций. Он также показывает, как взаимодействие экономических ресурсов и политических сил гегемонов (или близких к ним стран и городов «центра» мир-системы) формирует иерархически организованные, соподчинённые центру и эксплуатируемые пространства глобального рынка. Именно эту асимметричную, сетевую структуру соподчинения Бродель и называет «капитализмом» (то есть, системой эксплуатации), противопоставляя ему рыночную экономику, в рамках которой происходят относительно «честные», то есть, симметричные обмены.

Наконец, Ф. Бродель показывает, что отнюдь не в первый раз мировая экономика переживает период концентрации небывалой экономической и информационной мощи на небольших территориях. Достаточно вспомнить Венецию конца Средневековья, Антверпен XVI в., Амстердам XVII – начала XVIII вв.,

Лондон второй половины XVIII-XIX вв. Он демонстрирует также, что прообразы постиндустриальной экономики современности можно найти в истории. Так, Венеция на рубеже Нового Времени перестает производить соль и рыбу, но заполняет всю Европу предметами роскоши, вроде венецианских зеркал, и, главное, книгами.

Готов ли современный Запад нести издержки своей глобальной гегемонии?

В связи с приходом Д. Трампа на должность президента США, а также в связи с ростом антиглобалистских и «евроскептических» воззрений во всем западном мире этот вопрос становится достаточно актуальным. Ответ на него требует анализа, прежде всего, литературы из области сравнительной политологии.

Однако, прежде всего, зафиксируем точки связи с проблематикой смены глобального гегемона, сформулированной в предыдущем разделе. США, пока они были безусловным лидером по размеру ВВП в мире (а эта ситуация сложилась в начале XX в. и продолжалась вплоть до недавнего времени), было объективно относительно легко играть роль гегемона в мире. Например, в 1968 г. ВВП США (номинальный) составлял 37.3% общемирового, а в 2017 – 24.8% общемирового⁹. Однако насколько тяжелее США играть роль гегемона теперь, когда по оценке МВФ ВВП США на 2018 г. составляет 15.16% мирового ВВП по ППС, а у КНР – 18.69 % ВВП по ППС. На тот же 2018 г. ВВП КНР по ППС 25 270 млрд долл. США, а ВВП США – 20 494 млрд долл.¹⁰. Причём, если темпы роста китайской экономики будут и дальше превышать темпы роста экономики США, разрыв по объёму ВВП будет только нарастать.

Цена даже небольших «полицейских» вмешательств в дела других государств оказалась огромна, как показывает опыт войн в Ираке и Афганистане и даже опыт относительно небольшого вмешательства в Ливии. Причём, речь идёт и об экономических издержках, и об имиджевых, и о потерях человеческих жизней, и волнах мигрантов. По отношению ко всему этому развитие демократии весьма уязвимы.

Одновременно неравномерное распределение ресурсов в современном мире по мере усиления глобализации «ударило» не только по странам «третьего мира», но и по США и странам ЕС. Ведь глобализация, как показывает модель «глобальных ворот», происходит не на общенациональном, а на более узком уровне, уровне крупных мегаполисов. В социальном аспекте в США и Великобритании очень серьёзно выросло имущественное неравенство, связанное с концентрацией богатств у очень малого процента населения (Стиглиц 2015).

⁹ US GDP as % of World GDP. *Yachards*. [Электронный ресурс] URL: https://ycharts.com/indicators/us_gdp_as_a_percentage_of_world_gdp. (дата обращения 30.03.2020).

¹⁰ International Monetary Fund. World Economic and Financial Surveys. *World Economic Outlook Database*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/01/weodata/weorept.aspx?sy>. (дата обращения 30.03.2020)

Более того, по США и Великобритании особенно ударило то, что традиционная индустриальная (трансформационная) экономика в непосредственной близости от «глобальных ворот» начинает неизбежно сокращаться (Сергеев и др. 2007а). В условиях глобализации она оказывается там неконкурентоспособной и вытесняется всё дальше на периферию. Отсюда и трагедия бывших американских промышленных центров и оставшихся «синих воротничков», которую политически, наконец, «заметили» только в связи с их «протестным» голосованием за Д. Трампа, а не за забывших о них политиков с левого фланга.

Указанные явления предопределили распространение в США и странах ЕС трампизма и других альтернативных глобалистской элите политических течений. К сожалению, в настоящее время в литературе взаимосвязь подъёма альтернативных политических сил в странах Запада и изменений в мировой политике исследована достаточно слабо. Этот вопрос был рассмотрен в ряде работ авторов данной статьи в связи с динамикой внутренней политики в США и странах ЕС (Сергеев, Казанцев, Петров 2017; Сергеев и др. 2018) В частности, *мы не только указали на подъём «альтернативных» глобалистской элите (или «мейнстриму») партий и движений (как слева, так и справа), но и указали на взаимосвязь этой ситуации с изменениями в мировой политике и экономике, связанные с кризисом глобализации и упадком американской и (шире) западной гегемонии.*

В то же время фундаментальных сравнительно-политологических работ, анализирующих причины и характер кризиса партийно-политических систем в странах Запада, достаточно много. Корни кризисной ситуации, которая сложилась в настоящее время в партийно-политических системах ряда стран Запада, были отрефлексированы уже в ряде классических работ 1960-70-х гг. (Lipset 1960; Lipset, Rokkan 1967; Sartori 1976; Lipset, Marks 2000), которые отмечали сложности, с которыми сталкивались центристские массовые партии и их идеологии уже в период, предшествовавший волне глобализации конца XX в. В начале 2000-х гг. возникновение новых типов партий было описано в статье Р. Гюнтера и Л. Даймонда (Gunther, Diamond 2003). Начиная с 2010-х гг. в связи с ростом глобальных экономических проблем начали ставить вопрос о том, окажет ли этот процесс влияние на саму модель западной либеральной демократии и её роль в системе глобального управления (Fukuyama 2012).

Сейчас соответствующие публикации на Западе, в основном связаны с изучением конкретных альтернативных глобалистскому «мейнстриму» партий и движений (Hockenos, Haider 1995; Zaslove 2011; Tóth, Grajczjár 2015; Löwy, Francis 2016; Michael 2015; Karitzis 2016; Ovenden 2015; Ramiro, Gomez 2016). Такие важные причины протестного голосования, как миграционный кризис (в Европе) и чрезмерная вовлечённость в региональные конфликты без ясных для населения целей (США) рассматриваются слабо. Правда, в последние два-три года в связи с электоральными успехами различных альтернативных «мейнстриму» сил появилось достаточно много публикаций внешнеполитических экспертов, которые

рассматривают взаимосвязь между приходом к власти тех или иных групп и разрушением международного порядка, который поддерживала глобалистская элита (Bröning 2016; Seitz 2017; Funk, Schularick, Trebesch 2018; Shapiro 2018).

Столкновение «цивилизаций», систем ценностей и «информационные войны»: нематериальные факторы кризиса глобализации

Выше мы проанализировали материальные факторы, которые привели к развитию процессов глобализации на основе функционирования системы «глобальных ворот» в 1990 гг. и в начале 2000-х гг., а привели к кризису «американоцентричной» и «западноцентричной» глобализации.

Однако, для успешного прогнозирования развития ситуации в мире в период кризиса глобализации необходимо учитывать не только материальные факторы, но и факторы ценностно-идеологические, историко-культурные и даже цивилизационные. Конец 1980-х, 1990-е и начало 2000-х гг. формально прошли под знаменем деидеологизации и повышения значимости прагматических факторов в мировой политике. Но, по сути, это происходило в рамках глобального доминирования западной системы ценностей и «политического мейнстрима», сформировавшегося в западном мире. Уже в 1990-е гг. ряд акторов исламского мира (прежде всего, сетевые структуры как «Аль-Каида», хотя за ними и просматривались отдалённо интересы Саудовской Аравии или Катара) или государства-изгои (как Северная Корея и Иран) бросали вызов этому глобальному консенсусу. Однако к настоящему времени универсальность ценностей и норм западного мира (прежде всего, универсальность определённого понимания демократии и прав человека) в разной степени ставят под сомнение правительства таких крупнейших государств, как Китай, Россия, Турция, Иран, Саудовская Аравия, и т.п. Очевидно, что эти конфликты связаны не только с различными материальными интересами, но и с разными историко-культурными традициями.

Во времена написания «Конфликта цивилизаций» Хантингтона речь шла на практике о серии конфликтов на периферии системы мировой политики и экономики, и о противостоянии гегемонии коллективного Запада ряда государств-изгоев (Иран, Северная Корея, Ливия), а также ряда сетевых структур (Хантингтон 2003). Сейчас ситуация чревата намного более серьёзными конфликтами, так как наряду с достаточно мощными государствами исламской культурной традиции (Иран, Турция, Саудовская Аравия) с некоторыми ключевыми культурно обусловленными ценностями, лежащими в основе системы мирового управления, не согласно руководству таких великих держав, как Россия (православная культурная традиция) и КНР (конфуцианская культурная традиция).

Представляется, что в настоящее время нет удачного теоретического языка, который бы позволил инкорпорировать проблемы ценностно-цивилизационного конфликта (и вообще, изучение нематериальных аспектов) в прогноз развития мировой политики. В 1990-х – начале 2000-х гг. многим учёным казалось,

что наиболее далеко в развитии такого теоретического языка продвинулся конструктивизм (Wendt 1999; Onuf 1995; Alker 1996). Однако в связи со снижением влияния конструктивизма в теории международных отношений в последние годы (Сергеев, Казанцев, Медведева 2019) эта возможность пока не реализовалась. «Конфликт цивилизаций» С. Хантингтона (Хантингтон 2003) популярен в российской литературе. Однако, к сожалению, пока за этой удачной метафорой нет какой-то проработанной теоретической парадигмы, сопоставимой с неореализмом, неолиберализмом и конструктивизмом (а там речь идёт о сотнях монографий и тысячах научных статей на соответствующую тематику).

Возможно, перспективы развития исследований нематериальных аспектов мировой политики связаны со взаимодействием между конструктивизмом и теориями коммуникаций (включая изучение «информационных войн»). Такой диалог мог бы стать органической частью предлагаемой в данной работе перспективы, связанной с синтезом литературы по теории «глобальных ворот», мир-системной теории и теориям гегемонии. Необходимость такого синтеза становится очевидна, если принять к рассмотрению факт широкого распространения в мировых системах коммуникаций «информационных войн». Мировые СМИ – это те системы коммуникации, которые, как предполагалось в период поступательного развития глобализации, станут основой для её дальнейших успехов (McLuhan, 1962; 1964; McLuhan, Fiore 1968). Однако в настоящее время они, наоборот, оказались сферой, где реализуются конфликты, связанные с тенденцией к упадку глобализации. Более того, именно в этой среде начинают действовать наиболее дестабилизирующие стабильность в мире виды оружия и воздействий одного государства на другое. В этом контексте можно обратить внимание на проблему «кибероружия», на обвинения в адрес разных государств в поддержке утечек информации («Викиликс», «Панамское досье» и т.п.), на обвинения со стороны России и Китая в адрес Запада в информационной поддержке «цветных революций», на обвинения со стороны США во вмешательстве «русских хакеров» в выборы, в обвинения в связи популистов в странах ЕС с российским руководством, и т.п.

Результаты исследования: модель пространственной неоднородности глобализации

Что же мы обнаружили, проведя рассмотрение ряда взаимосвязанных проблем и тех комплексов научной литературы, которые связаны с их изучением?

Глобализация является процессом усиления связей не всех точек Земли равномерно, как предполагалось в модели «глобальной деревни». Это связано с тем, что в её основе лежат различные иерархизованные сетевые структуры (как социальные, так и связанные с ней технические).

Теория «глобальных ворот» (О. Андерссон, Д. Андерссон 2001) тесно связана с моделью инновационной и транзакционной экономики (Норт 1997), вы-

ступающей в качестве материальной основы постиндустриального общества. К сожалению, несмотря на широкую тенденцию к внедрению экономических теорий и методов анализа в мировую политологию, указанная нами модель осталась, в целом, недостаточно оцененной политологами. Лишь в ряде работ российских исследователей (Сергеев, Казанцев 2007; Сергеев и др. 2007а; Сергеев и др. 2007б; Сергеев и др. 2007с), в том числе авторов данной публикации, показана возможность ответа при помощи теории «глобальных ворот» на ряд ключевых вопросов мировой политики, в частности, на вопрос о трендах и путях глобализации.

Такой подход позволяет по-новому рассмотреть вопрос о проблеме взаимодействия глобализационных процессов в экономике и в мировой политике и преодолеть один из важнейших теоретических «расколов» в данной области. Речь идёт о противостоянии между «мейнстримными» теориями гегемонии (в частности, неореалистской и неолиберальной) и «мир-системными теориями». По сути, это противостояние носит ценностно-идеологический, а не научный характер, так как «мир-системные теории» противопоставляются политологическому «мейнстриму» по оси: представители левой идеологии-либералы. Это приводит к игнорированию «мир-системной» литературы со стороны существенной частью специалистов по теориям международных отношений. Одна из причин этого заключается в том, что мир-системный анализ не принимается большинством представителей «мейнстримной» экономической науки, так как он часто считается не столько эмпирическим, сколько ангажированным неким идеологическим «видением» (Bergesen 1984; Pieterse 1988; Onyishi, Amoke 2016). Между тем в работах Ф. Броделя, И. Валлерстайна, Д. Арриги, Г. Модельски и др. проведены очень интересные исследования взаимосвязей между политическими и экономическими аспектами процессов глобализации (Wallerstein 2004; Бродель 2007; Arrighi 1994; Арриги 2009; Modelski 1996; Modelski 1987).

Нам представляется, что различие между теориями мир-системными теориями и теориями гегемонии (в рамках неолиберализма и неореализма) заключается в различных представлениях о степени пространственной однородности процессов глобализации. В оптике мир-системных теорий глобальное пространство мыслится как чётко иерархизированное (имеющее ядро и периферию). Причём, с точки зрения мир-системных теорий, эта неоднородность по мере развития процессов глобализации только усиливается. В рамках неолиберализма (Keohane 1982; 1984; Kindleberger 1986) в соответствии с постулатами классического либерализма, пространство мира мыслится как если и не однородное, то, по крайней мере, стремящееся к однородности по мере глобализации. Неореализм (Gilpin 1988; 1996; Webb, Krasner 1989) же занимает некую промежуточную позицию, правда, он, в отличие от неолиберализма и мир-системных теорий, намного меньше интересуется экономическими аспектами глобализации. Основное внимание в нем уделяется военно-политическим аспектам гегемонии.

Предлагаемый нами синтез на основе теории «глобальных ворот» предполагает преодоление этого разрыва на основе принятия представления о территориальной неоднородности глобализации. Развитие теории «глобальных ворот» позволяет эмпирически обосновать этот тезис, представлявшийся многим академическим учёным ранее чисто идеологическим. Ключевой практический вопрос, который решается на этой теоретической основе, – соединение трёх разных пониманий гегемонии (неореалистского, неолиберального и мир-системного) как способа взаимного согласования систем мировой политики и мировой экономики. По сути, мы показываем путём данного синтеза, что три указанных подхода просто с трёх разных сторон видят проблемы кризиса американской гегемонии, что в последнее время стало одним из ключевых вопросов мировой политики.

Кризис западноцентричной глобализации и американской гегемонии проявляется не только на международно-политическом уровне, но и на уровне внутривнутриполитических процессов в ведущих странах мира. Исследование этой связи предполагается самой структурой такой дисциплины как «мировая политика», в рамках которой исследуются взаимоотношения между внутривнутриполитическими и международно-политическими процессами. Внутри самих стран Запада, как показывает ряд обстоятельств последнего времени (политика президента США Д. Трампа, Брекзит в Великобритании, усиление позиций антиглобалистских и евроскептических партий и движений в ЕС), наблюдается ослабление желания тратить ресурсы на поддержание американоцентричной (западноцентричной) гегемонии.

Наконец, по мере усиления кризиса американской гегемонии и американоцентричной глобализации, говоря языком С. Хантингтона, Запад (например, в виде трансатлантического сообщества) уже не может диктовать свою систему представлений и ценностей в виде универсальной. Именно поэтому мы и говорим *о кризисе западноцентричной глобализации*.

Как показывает конструктивистская литература по теории международных отношений, эти понимания в разных обществах имеют культурную и историческую обусловленность (Wendt 1999, Kratochwil 1989). Эти цивилизационно-ценностно-идеологически обусловленные конфликты разворачиваются в системе мировых коммуникаций, где появляются новые сферы противостояния (интернет) и новые виды оружия (кибероружия). Следовательно, в рамках наблюдаемого нами кризиса глобализации повышается значимость разного рода цивилизационных (Хантингтон 2003) и историко-культурных факторов. Методы исследования последних разработаны в конструктивистских теориях международных отношений, а также в теориях коммуникации (McLuhan 1962; 1964; 1968). Следовательно, одним из аспектов изучения процесса кризиса глобализации может и должен стать синтез литературы по конструктивизму и по теории коммуникаций, а также поиск точек соприкосновения этой литературы с описанными выше исследованиями по материальным (экономическим и военным аспектам) кризиса глобализации.

При исследовании нематериальных аспектов современных конфликтов, как и при исследовании материальных аспектов, мы сталкиваемся с *пространственной неоднородностью*. А именно, оказалось, что процесс глобализации не привёл к возникновению единой (то есть, пространственно однородной) глобальной культуры и системы ценностей, как это предполагал, например, Ф. Фукуяма (Fukuyama 1992). Следует, правда, оговориться, что Фукуяма говорил о победе либеральной демократии в перспективе, в конечном итоге, а также о длительном периоде конфликтов между либеральными демократиями и прочими государствами. Столкновение государств, поддерживающих разные системы ценностей, говорит о том, что *мир пока остался в плане культурно-ценностно-цивилизационном достаточно разнородным*.

Обсуждение результатов: кризис американоцентричной глобализации и его возможные исходы

Попробуем теперь использовать сформулированную нами выше модель пространственной неоднородности для анализа характера разворачивающегося на наших глазах кризиса американоцентричной глобализации и его возможных исходов.

Наблюдаемый нами кризис глобализации можно понять как разрыв между объективными потребностями мировой экономики (или глобализирующейся системой глобальных ворот) и системой мировой политики. В настоящее время это придаёт всей системе мировой политики большую турбулентность на всех уровнях.

На уровне системы мировых военно-политических и экономических связей происходит распад проекта однополярного мира, связанного с попыткой установления глобальной гегемонии США. Этот процесс сопровождается усилением ценностно-идеологического противостояния между большим количеством разнообразных акторов мировой политики (прежде всего, между США и Россией, США и КНР, Западом и исламским миром). Европоцентричная (западноцентричная) культура и система ценностей доминировала в мире, начиная с периода колониализма (пик этого доминирования пришёлся на вторую половину XIX в.). В настоящее время имеет место кризис этой культуры и системы ценностей, связанный с подъёмом неевропейских (прежде всего, азиатских) культур и систем ценностей.

В военно-политической сфере большую роль в становлении многополярного мира играет подъем азиатских и евразийских держав. В частности, ослаблению военной гегемонии США в мире способствует усиление и активизация политики России и КНР. Ослабление глобального экономического влияния США связано, в том числе, с бурным экономическим ростом в Китае и Индии. Кризис западноцентричной модели глобализации проявляется и в том, что происходит усиление самостоятельной роли региональных игроков. Это ведёт к росту кон-

фликтного потенциала не только на глобальном, но и на региональном уровне (например, усиливается самостоятельная роль Турции, Ирана и Саудовской Аравии на Ближнем Востоке; растут индо-пакистанские противоречия в Южной Азии, и т.п.).

Кризис американоцентричной глобализации проявляется в глубоком внутреннем расколе американской элиты (особенно обострившемся в период президентства Д. Трампа). Это ослабляет возможности США активно вести борьбу за сохранение своей гегемонистской позиции в противостоянии подъёму новых глобальных центров силы. То же самое имеет место и в ЕС. Западноцентричная глобализация в 1990-е гг. сопровождалась активной европейской интеграцией и экспансией европейских институтов на сопредельные территории (программы «соседства», «Восточного партнёрства», и т.п.). В настоящее время имеет место острый кризис внутри ЕС, связанный с подъёмом новых сил, поддерживающих различные «альтернативные» по отношению к сложившейся модели европейской интеграции направления.

Усиление глобального противостояния разных игроков ведёт к активизации борьбы ведущих государств за влияние в различных регионах мира. Одним из важнейших аспектов кризиса западноцентричной глобализации стал китайский проект «Один пояс – один путь», который часто критикуется в странах Запада (Carmody 2011). Соглашение о сопряжении этого китайского проекта с евразийской экономической интеграцией (в случае успешной реализации этого соглашения) может стать одним из ключевых аспектов процесса становления многополярного мира.

Разрыв между системой «глобальных ворот» и системой мировой политики проявляется, в том числе, в виде противоречия между экономической глобализацией и вновь усиливающимся (в том числе, в странах Запада) политическим национализмом.

Тенденция к переносу трансформационной (или традиционной индустриальной экономики) из ближайших окрестностей «ворот» (то есть, из развитых стран) в страны развивающиеся появилась уже в 1980-е гг. В 1990-начале 2000-х она приобрела гигантские масштабы, «убила» огромную часть американской и европейской промышленности и превратила Китай в «мастерскую мира» (каковой была Великобритания в первой половине XIX в.) (Bluestone, Harrison 1982; Cowie, Heathcott, Bluestone 2003). Перенос производств создал серьёзное напряжение для системы социального обеспечения развитых стран Запада (ведь в рамках государств «всеобщего благосостояния» необходимо поддерживать страдающие слои населения и территории) и системы сбора налогов.

Но перенос производств требует от США и дальнейшего повышения затрат на поддержание гегемонистской стабильности в мире. К концу 2000-х гг. все больше товаров производилось вдали от источников сырья и мест их конечного потребления. Пути транспортировки товаров и сырья необходимо охранять. Степень связности современного мирового хозяйства такова, что серьёзный по-

литический кризис в одной из ключевых его точек (Северная Америка, Европа, АТР, Ближний Восток) способен «обвалить» экономики стран всего мира. Следовательно, от США как глобального гегемона (и от их союзников в НАТО и в АТР) потребовалось увеличить расходы на поддержание гегемонии, в условиях, когда перенос производств привёл к перераспределению материальных сил в пользу Китая и других стран. Одновременно глобализация привела к усилению миграционных потоков, а это также усилило давление на бюджеты и систему социального обеспечения западных стран.

Проблемы постиндустриальных стран с государственными бюджетами, государственным долгом и системой социального обеспечения привели к тому, что усиливается конфликт интересов в отношениях между государством и бизнесом.

Мода на «дерегуляцию» и ослабление национального регулирования в период усиления глобализационных процессов привели к кризису управляемости национальной экономикой. В условиях, когда повысились требования к бюджетам постиндустриальных стран, оказалось, что бизнес успешно уходит от налогообложения путём вывода производств в развивающиеся страны и вывода финансов в офшоры¹¹. То есть, в условиях, когда национальным государствам потребовалось больше денег, обнаружилось, что богатства утекают из-под их контроля.

В результате усиливается давление на бизнес как своих, так и других стран. Прежде всего, это проявляется в создании глобальных механизмов контроля над выводом денег в офшоры. В свою очередь, это создаёт новые очаги конфликтов. С одной стороны, усиливается противостояние бизнеса и государства в самих странах Запада. В США попытки усиления государственного регулирования проявляются в давлении на корпорации с целью избежать дальнейшего вывода производств даже со стороны дружественной бизнесу администрации Д. Трампа. В странах ЕС давление на бизнес осуществляется уже давно, например, в рамках экологической проблематики (например, в Германии), и в рамках достаточно жёсткого нормативного регулирования со стороны Брюсселя. Усиление государственного контроля над экономикой проявляется и за пределами западного мира. Например, в России имеет место концентрация собственности под контролем государства, в том числе, по стратегическим соображениям.

В ответ бизнес (прежде всего, в демократических странах) активнее идёт в политику, чтобы защитить свои интересы или прорабатывает все более тонкие способы ухода из-под государственного контроля.

С другой стороны, в условиях межгосударственных конфликтов административное давление на капитал может принимать и формы преимущественных «гонений» на капитал из какой-то конкретно взятой страны. Например, в

¹¹ How We Can Make Global Companies Pay their Fair Share of Tax. *Financial Times*. 22 May 2013. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ft.com/content/e9fc449c-c2f0-11e2-bbbd-00144feab7de#axzz3CVr4cEjB> (дата обращения 30.03.2020).

рамках «санкционной войны» серьёзным гонениям подвергается российский бизнес, а ситуация с рядом китайских компаний (например, «Хуавей») показывает, что и бизнес КНР под угрозой.

Обратимся теперь к более подробному анализу тенденции к росту межгосударственных конфликтов по мере «отката» глобализационных процессов и к стратегиям ключевых держав в этих условиях.

Экономики Китая и Индии, уже выйдя на ключевые позиции в мировом хозяйстве, продолжают расти. Соответственно, Пекину и Дели им нужно подкрепить военным и политическим влиянием свой новый экономический статус, причём, здесь они уже сталкиваются со странами Запада. Мы полагаем, что определённое снижение веса стран Запада в мировом хозяйстве вовсе не означает, как это иногда трактуют некоторые популярные в российских масс-медиа эксперты (Кобяков, Хазин 2003), упадка транзакционной экономики в мире вообще. Напротив, сходная с Западом система инновационно-транзакционной экономики активно развивается в новых «воротах» Китая (Шанхай, Гонконг), Индии (Мумбай), Бразилии (Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро) и т.п.

Вопрос о том, что КНР, в принципе, может стать новым глобальным гегемоном после США уже поднимался в литературе, например, у Дж. Арриги (Арриги 2009). Рассмотрим этот тезис с точки зрения теории «глобальных ворот». Гегемония США связана с наличием не только Нью-Йорка, играющего доминирующую роль во всей системе мировой экономики после Первой мировой войны (это показал Ф. Бродель (Бродель 2007)). Важно огромное количество «ворот», расположенных в США. Если рассмотреть ситуацию в достаточно грубой перспективе, сейчас практически всё восточное и западное побережье США представляет собой одни сплошные «ворота». Важнейший аспект доминирования США также связан с их лидирующими позициями на рынках новых технологий, прежде всего, связанных с коммуникациями. Доллар продолжает играть роль глобальной резервной валюты, хотя сейчас его позиции несколько ослабели относительно евро и юаня. Немаловажно также большое число военных баз в мире, обеспечивающих гегемонистскую стабильность.

Среди «минусов» – потеря статуса самой крупной экономики мира; высокий государственный долг; растущие издержки поддержания гегемонистской стабильности; проблемы в политической системе и растущая неготовность США и их ближайших союзников нести издержки поддержания гегемонистской стабильности во всем мире.

Однако нужно понимать, что Китай не сможет заменить США как глобальный экономический гегемон в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе по указанным ниже причинам.

Во-первых, ёмкость внутреннего потребительского рынка в КНР пока ещё недостаточна даже для того, чтобы быть мотором внутреннего роста (хотя китайская экономика и переориентируется, причём, весьма успешно, от модели роста, движимой экспортом, к модели роста, движимой внутренним спросом).

ВВП на душу населения в КНР (в долларах 2010 г.) в 2018 г. составлял 14.2% от соответствующего показателя в США¹². Заместить США, внутренний спрос которых являлся после Второй мировой войны одним из главных источников экономического роста для многих других стран мира, Китай явно не сможет в ближайшие 10-20 лет.

Этот показатель говорит о том, что китайские «ворота», при их стремительных темпах развития, все-таки, пока остаются второстепенными по сравнению с «воротами» США и даже Японии или стран ЕС. Китай – это пока, преимущественно, традиционная индустриальная (трансформационная) экономика, до экономики постиндустриальной (трансакционной и инновационной) ему ещё достаточно далеко. А именно постиндустриальная экономика и есть основа современной гегемонии. Правда, это, с другой стороны, показывает, что у КНР ещё есть огромный потенциал догоняющего роста, по мере развития его собственной системы «ворот» по всему Тихоокеанскому побережью страны.

Во-вторых, традиционная культура Китая, в целом, и политическая культура, в частности, весьма «китаеццентричны». Представляется также, что политическая система КНР пока весьма слабо адаптирована к нуждам глобального управления, хотя она хорошо вписывается в исторические традиции самого Китая. Как показывает политическая нестабильность в одних из ключевых китайских «ворот» (Гонконге), Пекину, несмотря на очевидную эффективность его политической модели в плане проведения индустриализации, предстоит ещё найти эффективный модус взаимодействия с постиндустриальной средой «ворот».

В-третьих, в ближайшие 10 лет КНР не сможет стать и новым военным гегемоном. Китай стремительно догоняет по военным технологиям две «старые» сверхдержавы (Россию и США). По ряду параметров в Тихом и Индийском океане китайская армия и флот вполне способны даже противостоять в «гонке вооружений» одновременно США, их тихоокеанским союзникам и Индии. Однако для статуса глобального военного гегемона необходимо ещё и уметь проецировать свою военную мощь вовне, в любой район мира. Китайская армия никогда этого не делала на практике, и китайская военная доктрина вообще пока этого не предусматривает, хотя сдвиг в данном направлении постепенно и происходит. Кроме того, для развёртывания нужна сеть военных баз по всему миру, какой в настоящий момент обладают только США.

В принципе, весьма вероятно, что наблюдаемый нами сейчас кризис глобализации и упадок американской гегемонии, является неким переходным периодом, связанным со сменой модели мировой гегемонии или сменой гегемона. В этом случае, на переходный период (продлится он 3, 5, 10 или даже 20 лет) конфликты будут только нарастать.

¹² International Monetary Fund, Report for Selected Countries and Subjects. [Электронный ресурс] URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/weorept.aspx?sy=2017&ey=2018> (дата обращения 30.03.2020).

Пока кризис американской гегемонии связан (в сфере политики великих держав) с подъёмом Китая и Индии, военно-политической активизацией России, усилением самостоятельности региональных держав, пытающихся превратиться во что-то вроде «великих региональных держав» (например, Иран на Ближнем Востоке). Одновременно ни США в отдельности, ни США вместе с «коллективным Западом» (страны НАТО), ни даже страны НАТО вместе со всеми союзниками США в АТР уже не способны поддерживать гегемонистскую стабильность ни в сфере мировой политики, ни в сфере мировой экономики.

Представляется, что некоторая стабилизация американской гегемонии (да и то, весьма относительная) возможна лишь при комбинации совокупной мощи США + НАТО + союзники США в АТР + Индия (в рамках продвигаемой администрацией Д. Трампа концепции «Индо-Тихоокеанского региона») + крупные государства Латинской Америки (Мексика, Бразилия). Но в этом случае есть риск того, что под патронажем Китая сложится альтернативная коалиция (зародыш чего уже сейчас наблюдается в проекте «Один пояс – один путь»). Борьба между этими коалициями может надолго дестабилизировать всю систему мировой политики (либо вернуть её на какой-то период к ситуации стабильной «биполярности» времён холодной войны).

Попробуем теперь сформулировать долгосрочный прогноз, как может развиваться экономическая и политическая глобализация на горизонте примерно в 30 лет. В любом случае представляется, что переходный период, который мы переживаем сейчас, должен привести к становлению другой модели глобализации, отличной от той, которая наблюдалась в пик глобализационных процессов 1990-х – начала 2000-х гг. При этом существует следующая принципиальная «развилка», которая может реализоваться в горизонте весьма далёком, например, 25-50 лет.

1. Либо произойдёт становление другой политической «оболочки» экономической глобализации. Изменится сама модель гегемонии, в рамках которой лидирующую роль будет играть уже не национальное государство, типа США. Например, может быть создана модель гегемонии на основе «Группы двадцати». Она наиболее отвечает распространённому в России представлению о многополярном мире. Другой, менее вероятный вариант, – создание некоего «мирового правительства», например, на основе усиления институтов ООН.

2. Либо структура мировой гегемонии сохранится, но при этом произойдёт смена лидера с США на КНР (несколько менее вероятным представляется сохранение роли США в перспективе большей, чем три десятилетия). В случае выхода КНР на роль глобального гегемона «западноцентричная глобализация» будет сменена другой ценностно-культурной «оболочкой», так что такая перемена, предсказанная Дж. Арриги, будет, действительно, революционной.

3. Возможна также какая-либо смешанная форма. Например, оформленный как «Группа двадцати» концерт великих держав, при лидирующей роли

США или КНР, делающий свои решения общеобязательными для других стран через свою доминирующую роль в структурах ООН.

В последние пару десятилетий в научной литературе сложилась традиция отдельно изучать глобализационные процессы (преимущественно, социально-экономические), а отдельно – вопросы мировой политики, связанные с гегемонией (то есть, с лидерством какой-либо державы в поддержании стабильных правил игры в мире). Эта ситуация была возможна в 1990-х – начале 2000-х гг., когда «правила игры» в мировой политике были достаточно стабильны, а глобализационные процессы поступательно развивались. В рамках данной статьи мы предлагаем синтез этих направлений исследования на основе модели «глобальных ворот». Предлагаемый нами синтез, производный от модели транзакционной и инновационной экономики имеет не только эмпирический характер, но и поддается математизации и количественным исследованиям.

Глобализация в рамках предложенной нами модели представляет собой процесс усиления сетевых контактов, связывающих разные части Земного шара. Плотность этих сетей совершенно неравномерно распределена по территории планеты. Узловые точки этих контактов также распределены чрезвычайно неравномерно. Их предельной точкой концентрации является система мегаполисов-ворот в глобальный мир.

На этапе экспансии процессов глобализации происходит усиление этих сетевых связей и насыщение их ресурсами. На этапе спада глобализации, один из которых мы переживаем в настоящий момент, происходит ослабление этих связей.

Пространственная неоднородность глобализации связана с социальным (а также территориальным и межстрановым) неравенством в распределении ресурсов. В связи с этим глобальная экономическая система, создаваемая «воротами», нуждается в поддержании стабильности глобальных политических институтов (или международных режимов). В XIX-XX вв. сложилась система поддержания этой стабильности, названная в литературе по теории международных отношений «гегемонией» (сначала Великобритании, затем США). На этапе подъёма глобализации создаётся система эффективного взаимодействия между мировой экономической и мировой политической системой (т.е. между «воротами» и гегемонией). На этапе спада образуется разрыв между потребностями «ворот» в обеспечении политической стабильности и возможностями гегемона эту стабильность поддержать.

По целому ряду причин (к числу которых можно отнести и уменьшение со стороны населения желания нести на себе бремя гегемонии) возможности США как мирового гегемона в настоящее время резко уменьшились. Таким образом, эту ситуацию можно описать как «кризис американоцентричной глобализации». Глобализация представляла собой не только американоцентричный, но и западноцентричный проект. Многие международные режимы, поддерживавшиеся на этапе расширения глобализационных процессов, основаны на си-

стеме ценностей и представлений, которые характерны именно для западной цивилизации. В этом плане можно говорить и о «кризисе западноцентричной глобализации».

Этап кризиса глобализации связан с упадком международных режимов, ростом неопределённости и конфликтов на всех уровнях мировой политики. Этот процесс может оказаться достаточно длительным. В конце его может либо произойти становление другой политической «оболочки» экономической глобализации (например, переход к модели гегемонии группы великих держав, что наиболее близко к распространённому в России представлению о многополярном мире), либо произойти возникновение нового гегемона (например, в виде КНР).

Об авторах:

Андрей Анатольевич Казанцев – доктор политических наук, профессор, НИУ ВШЭ, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17 стр.1. E-mail: andrka@mail.ru.

Виктор Михайлович Сергеев – доктор исторических наук, кандидат физико-математических наук, эксперт РСМД, 119049, Российская федерация, Москва, 4-й Добрынинский переулок, дом 8. E-mail: victor04076831@mail.ru.

Благодарности:

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-011-31119.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: November 1, 2019

Accepted: February 15, 2020

The Crisis of US-centric Globalization: Causes, Trends and Scenarios of Development

A.A. Kasantzev, V.M. Sergeev
DOI 10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69

Higher School of Economics
Russian Council on Foreign Relations

Abstract: Traditionally the processes of globalization and the issues of world politics related to hegemony are studied separately in the scientific literature. In this article the authors propose the synthesis of both of these approaches based on the model of transactional and

innovative economy spatially structured as a system of “global gateways”. The globalization is conceived in the article as a process of reinforcement of network connections of different parts of the globe. The network is distributed unevenly around the world. The increase of globalization processes stimulates the strengthening of the network interactions and saturation of it with resources. The decline of the globalization we are witnessing at the moment results in the weakening of network relations. Spatial heterogeneity of globalization produces inequality in resource distribution on social as well as regional and country level. Due to this fact the system of global economy based on these gateways requires the stability of political institutes. In the 19th-20th centuries the system of maintenance of global stability (known in IR as hegemonic stability) was established. Increasing globalization provides the effective interaction between economic and political spheres. Declining globalization produces a gap between gateways’ demands for political stability and a hegemon’s ability to provide it. Recently the USA’s abilities as global hegemon have shrunk dramatically in relative terms as well as American electorate’s willingness to bear the costs of hegemony. Washington is unable to maintain stable functioning of “the rules of the game” neither separately, nor with its allies. This situation may be described as “the crisis of US-centric globalization”. The crisis of globalization relates to decline of international regimes, rise of uncertainty and conflicts on all levels of world politics. Presumably, it’s a long-term process. And at the end it may cause the establishment of new political form of economic globalization (e.g. transition to the model of hegemony of a group of superpowers, a scenario mostly close to generally accepted in Russia idea of multi-polar world), or emergence of a new hegemon (e.g. China).

Key words: globalization, megacities, "global gates", hegemony, international conflicts

About the authors:

Andrei A. Kasantsev – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, National Research University Higher School of Economics, 17/1, Malaya Ordinka St., Moscow, Russia, 119017. E-mail: andrka@mail.ru.

Viktor M. Sergeev – Dr. Sci. (Hist.), expert, Russian International Affairs Council, 8, 4th Dobrenskiy Lane, Moscow, Russia, 119049. E-mail: victor04076831@mail.ru.

Acknowledgements:

This article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for basic research, project no. 19-011-31119.

Conflict of interest:

The authors declare the absence of conflict of interest.

References:

Alker H. 1996. *Rediscovery and Reformulations*. Cambridge: Cambridge University Press. 464 p.

Arrighi G. 1994. *The long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. London: Verso. 416 p.

Arrighi G. 2009. Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century. (Russ.ed.: Arrighi G. *Adam Smit v Pekine. Chto poluchil v nasledstvo XXI vek*. Moscow: Institut obshchestvennogo proektirovaniya. 456 p.)

Bergesen A. 1984. The Critique of World-System Theory: Class Relations or Division of Labor? *Sociological Theory*. Vol. 2. P. 365-372

Bluestone B., Harrison B. 1982. *The Deindustrialization of America: Plant Closings, Community Abandonment and the Dismantling of Basic Industry*. New York: Basic Books. 323 p.

- Braudel F. 2007. The Material Civilization, Economy and Capitalism, XV-XVIII century. Volume 3. The Time of the World. (Russ.ed.: Braudel F. *Material'naya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. T. 3. Vremya mira*. Moscow: Ves' mir. 637 p.)
- Bröning M. 2016. The Rise of Populism in Europe. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2016-06-03/rise-populism-europe> (accessed 30.03.2020)
- Carmody P. 2011. *The New Scramble for Africa*. Cambridge: Polity. 244p.
- Cowie J., Heathcott J., Bluestone B. 2003. *Beyond the Ruins: The Meanings of Deindustrialization*. Cornell University Press. 372 p.;
- Fukuyama F. 1992. *The End of History and the Last Man*. Free Press. 418 p.
- Fukuyama F. 2012. The Future of History: Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? *Foreign Affairs*. 91(1). P. 53-61
- Funk M., Schularick M., Trebesch C. 2018. The Financial Crisis Is Still Empowering Far-Right Populists. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-09-13/financial-crisis-still-empowering-far-right-populists> (accessed 30.03.2020).
- Gilpin R.G. 1996. No one loves political realist. *Security Studies*. 5(3). P. 3-26.
- Gilpin R.G. 1988. The Theory of Hegemonic War. *The Journal of Interdisciplinary History*. 18(4). P. 591-613. DOI: 10.2307/204816.
- Gateways to the Global Economy. 2001. (Russ.ed.: Vorota v global'nyu ekonomiku. A.Andersson, D. Andersson (Eds.). Moscow: Fazis. 464 p.)
- Gramsci A. 1982. *Selections from the Prison Books*. Lawrence and Wishart. 458 p.
- Granovetter M.S. 1973. The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*. 78(6). P. 1360-1380.
- Gunther R., Diamond L. 2003. Species of Political Parties. A New Typology. *Party Politics*. 9(2). P. 167-199.
- Hockenos P., Haider J. 1995. Austria's Far Right Wunderkind. *World Policy Journal*. 12(3). P. 75-80.
- Huntington S. 2003. The Clash of Civilizations. (Russ.ed.: Huntington S. *Stolknovenie civilizacij*. Moscow: AST. 603 p.)
- Karitzis A. 2016. The Dilemmas and Potentials of the Left: Learning from Syriza. *The Politics of the Right: Socialist Register*. Pantich L., Albo G. (Eds.). New York: NYU Press. P. 374-382.
- Kazantsev A.A. 2012. Policy networks in European-Russian Gas Relations: Function and Dysfunction from a Perspective of EU Energy Security. *Communist and Post-Communist Studies*. 45(3-4). P. 305-313.
- Kazantsev A.A. 2014. Eurasian Perspectives on Regionalism: Central Asia and beyond. *Eurasian Integration-The View from Within*. P., Sakwa R. (Eds.). Abingdon: Routledge. P. 207-225.
- Kazantsev A.A. 2015. Social Capital and Development of Civil Society in Central Asia: A Path Dependency Perspective. *Civil Society and Politics in Central Asia*. Ziegler C. E. (Ed.) The University Press of Kentucky. P. 21-56.
- Keohane R.O. 1984. *After Hegemony: Cooperation and Discord in World Political Economy*. Princeton: Princeton University Press. 312 p.
- Keohane R.O. 1982. The Demand for International Regimes. *International Organization*. 36(2). P. 325-355.
- Kindleberger Ch.P. 1986. Hierarchy versus Inertial Cooperation. *International Organization*. 40(4). P. 841-847.
- Kolakowski, L. 2005. *Main Currents of Marxism*. London: W.W. Norton & Company. 1284 p.

Kratochwil F. 1989. *Rules, Norms and Decisions: On the Conditions of Practical and Legal Reasoning in International Relations and Domestic Affairs*. Cambridge, Cambridge University Press. 312 p.

Lipset M., Rokkan S. 1967. *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives*. New York: Free Press. 554 p.

Lipset S.M. 1960. *Political Man: The Social Bases of Politics*. New York: Doubleday & Company. 477 p.

Lipset S.M., Marks G. 2000. *It Didn't Happen Here: Why Socialism Failed in the United States*. New York: W.W. Norton & Company. 379 p.

Löwy M., Francis S. 2016. The Far Right in France: The Front National in Europe and Perspective. *The Politics of the Right: Socialist Register*. Panitch L., Albo G. (Eds.) New York: NYU Press. P. 51-67.

McLuhan M. 1962. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto: University of Toronto Press. 294 p.

McLuhan M. 1964. *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: McGraw Hill. 464p.

McLuhan M., Fiore Q. 1968. *War and Peace in the Global Village*. New York: Bantam. 192 p.

Michael G. A. 2015. New American Populist Coalition? The Relationship between the Tea Party and the Far Right. *The Promise and Perils of Populism: Global Perspectives*. C. de la Torre (Ed.). Lexington, KY: University Press of Kentucky. P. 265-292.

Modelski G. 1996. Evolutionary paradigm for global politics. *International Studies Quarterly*. № 40. P. 321 – 342.

Modelski G. 1987. *Long Cycles in World Politics*, Palgrave Macmillan. 244 p.

North D. 1997. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. (Russ.ed.: North D. *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki*. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala».180 p.)

North D. 2010. Understanding the Process of Economic Change. (Russ.ed.: North D. *Ponimanie processa ekonomicheskikh izmenenij*. Moscow: Izd. dom GU-VSHE, 2010. 256 p.)

North D., Wallis J., Weingast B. Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. (Russ.ed.: North D., Wallis J., Weingast B. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva*. Moscow: Institut Gaydara Publ., 2011. 480 p.)

Onuf N. 1995. Intervention for a Common Good. *Beyond Westphalia? State Sovereignty and International Intervention*. Mastanduno M., Lyons G. (Eds.). Baltimore, Johns Hopkins University press. P. 34-58.

Onyishi A. E., Amoke V. Ch. 2016. A Critique of Immanuel Wallenstein's World System Theory in The Modern World System. *IOSR Journal Of Humanities And Social Science (IOSR-JHSS)*. 21(8). Ver. 10. P. 01-06.

Ovenden K. 2015. *Syriza: Inside the Labyrinth*. London: Pluto Press. 200 p.

Pieterse J.N. 1988. A Critique of World System Theory. *International Sociology*. 3(3). P. 251-266.

Ramiro L., Gomez R. 2016. Radical-Left Populism during the Great Recession: Podemos and Its Competition with the Established Radical Left. *Political Studies*. 65(1). P. 1–19.

Sartori G. 1976. *Parties and Party Systems*. Cambridge: Cambridge University Press. 383 p.

Seitz S. Pushing Against the Populist Tide. *Foreign Affairs*. 2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2017-12-11/pushing-against-populist-tide> (accessed 30.03.2020)

Shapiro J. 2018. What "America First" Will Cost Europe. Could Trump's Neglect Undo the EU? *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2018-06-12/what-america-first-will-cost-europe> (accessed 30.03.2020)

Stiglitz J. 2015. The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers our Future. (Russ.ed.: Stiglitz J. *Cena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu*. Moscow: Eksmo. 512 p.)

Tóth A., Grajczjár I. 2015. The Rise of the Radical Right in Hungary. *The Hungarian Patient: Social Opposition to an Illiberal Democracy*. Krasztev, P., Van Til, J. (Eds.) Budapest: Central European University Press. P. 133-164.

Wallerstein I. 2004. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Durham, North Carolina: Duke University Press. 109 p.

Webb M.C., Krasner S.D. 1989. Hegemonic stability theory: an empirical assessment. *Review of International Studies*. 15(2). P. 193 – 198.

Wendt A. 1999. *Social Theory of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.. 450 p.

Zaslave A. 2011. *The Re-invention of the European Radical Right: Populism, Regionalism, and the Italian Lega Nord*. Montreal: McGill-Queen's University Press. 296 p.

Auzan A. 2013. *Ekonomika vsego. Kak instituty opredelyayut nashu zhizn'* [Economics of Everything. How Institutions Determine our Life]. Moscow: «Mann, Ivanov i Ferber». 160 p. (In Russian).

Kobyakov A. B., Hazin M. L. 2003. *Zakat imperii dollara i konec «Pax Americana»* [The Sunset of the Impair of Dollar and the End of «Pax Americana»]. Moscow: Veche. 283 p. (In Russian).

Marx K., Engels F. 1995. *Nemeckaya ideologiya. Sbranie sochinenij*. 2-e izd. [The German Ideology. Selected Works. 2nd ed.] Moscow: Politizdat. 603 p. (In Russian).

Sergeev V., Kazantsev A. 2007. Setevaya dinamika globalizatsii i tipologiya "global'nykh vorot" [Net Dynamics of Globalization and the Typology of "Global Gateways"]. *Polis. Political Studies*. №2. P. 18-30. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.02.02>.

Sergeev V., Kazantsev A., Medvedeva S. 2019. Krizis konstruktivizma i metodologicheskie problemy izucheniya mezhdunarodnykh otnoshenii [The Crisis of Constructivism and Methodological Problems of Studying International Relations]. *Polis. Political Studies*. №5. P. 56-60. (In Russian). DOI: [10.17976/jpps/2019.05.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.05)

Sergeev V., Kazantsev A., Petrov K. 2017. Politika «meinstrima» i ee al'ternativy v sovremenom zapadnom mire: na puti ot mirovogo ekonomicheskogo krizisa k "nevozmozhnoi politike"? [The Policy of "Mainstream" and Its Alternatives in the Modern Western World: on the Way from the World Economic Crisis to "Impossible Politics?]. *Polis. Political Studies*. №3. P. 8-29. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.02>

Sergeev V., Kazantsev A., Petrov K., Medvedeva S. 2018. Krizis partiino-politicheskoi sistemy v SShA i stranakh ES: prichiny i kharakteristiki [The Crisis of Contemporary U.S. and EU Party Systems: Causes and Characteristics]. *Polis. Political Studies*. №2. P. 130-149. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.10>

Sergeev V., Kuzmin A., Alekseenkova E., Kazantsev A. 2007. Moskva i Sankt-Peterburg kak tsentry prityazheniya sotsial'nykh setei [Moscow and St. Petersburg as the Centers of Attraction of Social Networks]. *Polis. Political Studies*. №2. P. 31-43. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.02.03>.

Sergeev V., Kuzmin A., Nechaev V., Alekseenkova E. 2007. Doverie i prostranstvennoe vzaimodeistvie sotsial'nykh setei [Trust and Spatial Interaction of Social Networks]. *Polis. Political Studies*. №2. P. 8-17. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.02.01>.

Sergeev V., Kuzmin A., Nechaev V., Alekseenkova E., Kazantsev A., Dozhdikov A., Evstifeev R., Usmanov S., Chernyshov S., Fedorova I., Homutova O., Vinogradova S. 2007. "Khora" moskovskikh "vorot" i stsenarii ee razvitiya ["Hora" of Moscow "Gaits" and the Scenarios of its Development]. *Polis. Political Studies*. №2. P. 44-62. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.02.04>

Smith A. 1993. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov (knigi I—III)* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow: Nauka. 520 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Арриги Дж. 2009. *Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век*. Москва: Институт общественного проектирования. 456 с.

Аузан А. 2013. *Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь*. Москва: «Манн, Иванов и Фербер». 160 с.

Бродель Ф. 2007. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв.* Том 3. *Время мира*. Москва: Весь мир. 637 с.

Ворота в глобальную экономику. Под ред. О. Андерссон, Д. Андерссон. Москва: Фазис. 2001. 464 с.

Кобяков А.Б., Хазин М.Л. 2003. *Закат империи доллара и конец «Pax Americana»*. Москва: Вече. 283с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1995. *Немецкая идеология*. Собрание сочинений. 2-е изд. Москва: Политиздат. 603 с.

Норт Д.К. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики = Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Москва: Фонд экономической книги «Начала». 180 с.

Норт Д.К. 2010. *Понимание процесса экономических изменений*. Москва: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 256 с.

Норт Д.К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Москва: Изд. Института Гайдара. 480 с.

Сергеев В.М., Казанцев А.А. 2007. Сетевая динамика глобализации и типология "глобальных ворот". *Полис. Политические исследования*. №2. С. 18-30. DOI: [10.17976/jpps/2007.02.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2007.02.02).

Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е. 2017. Политика «мейнстрима» и её альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к «невозможной политике»? *Полис. Политические исследования*. №3. С. 8-29. DOI: [10.17976/jpps/2017.03.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.02)

Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е., Медведева С.М. 2018. Кризис партийно-политической системы в США и странах ЕС: причины и характеристики. *Полис. Политические исследования*. №2. С. 130-149. DOI: [10.17976/jpps/2018.02.10](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.10)

Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Алексеенкова Е.С., Казанцев А.А. 2007а. Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей. *Полис. Политические исследования*. №2. С. 31-43. DOI: [10.17976/jpps/2007.02.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2007.02.03).

Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Нецаев В.Д., Алексеенкова Е.С. 2007б. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 8-17. DOI: [10.17976/jpps/2007.02.01](https://doi.org/10.17976/jpps/2007.02.01).

Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С., Казанцев А.А., Дождиков А.В., Евстифеев Р.В., Усманов С.М., Чернышов С.В., Федорова И.М., Хомутова О.Ю., Виноградова С.А. 2007с. “Хора” московских “ворот” и сценарии ее развития. *Полис. Политические исследования*. №2. С. 44-62. DOI: 10.17976/jpps/2007.02.04

Сергеев В.М., Казанцев А.А., Медведева С.М. 2019. Кризис конструктивизма как кризис современной теории международных отношений. *Полис. Политические исследования*. №5. С. 56-60. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.05

Смит А. 1993. *Исследование о природе и причинах богатства народов (книги I—III)*. Москва: Наука. 520 с.

Стиглиц Дж. 2015. *Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему*. Москва: Эксмо. 512 с.

Хантингтон С. 2003. *Столкновение цивилизаций*. Москва: АСТ. 603 с.